

Му Шаомин, и без того пребывавший в дурном расположении духа, помрачнел еще сильнее, заметив, как смягчилось лицо Цзян Шэна при упоминании возлюбленного.

— Я разве не говорил тебе, что обещания, данные мужчиной в постели, ничего не стоят? — процедил он.

Цзян Шэн не любил алкоголь и не выносил его запаха. Му Шаомин же был из тех людей, кто пил по любому поводу: радовался ли он, грустил, собирался с друзьями или ввязывался в драку — везде находилось место рюмке. В общем, хоть он и не был законченным алкоголиком, выпить любил.

Когда они только сошлись, Цзян Шэн заставил его пообещать, что тот завяжет с выпивкой. И после той ночи Му Шаомин действительно бросил пить. Когда друзья звали его в бар, он с улыбкой отказывался, ссылаясь на то, что его благоверная не одобряет подобное времяпрепровождение. А если его донимали расспросами, из какой семьи эта таинственная дама, он лишь отмалчивался.

Когда же он сорвался? Му Шаомин, чей разум был затуманен алкоголем, долго пытался вспомнить и наконец осознал: это случилось, когда Цзян Шэн впервые ушел посреди их близости. Причиной, разумеется, был Бай Цзыжуй, с которым что-то стряслось. Гнев было некуда девать, вот он и отправился по кабакам с сомнительными друзьями. А что еще оставалось? Не мстить же теперь этому доходяге Бай Цзыжую, которого можно было прихлопнуть одним ударом?

Му Шаомин считал, что и так слишком балует Цзян Шэна. Не любит, когда он дерется? Хорошо, он перестал лезть в драки. Не любит алкоголь? Ладно, он не пьет. Не хочет быть сверху? Без проблем, он добровольно уступил место внизу. Не любит грубиянов? Что ж, он забросил тренировки и начал становиться мягче и утонченнее.

Но почему же Цзян Шэн этого не видит? Он исполнял все прихоти Цзян Шэна, а стоило ему самому попросить об одном одолжении, как его не только послали, но еще и избили. Хотя, справедливости ради, начал ту драку он сам.

Почему Цзян Шэн может так открыто усидеть на двух стульях? Всю нежность отдавать Бай Цзыжую, а страсть выплескивать на нем? Подонок! Мерзавец!

И все же Му Шаомин угораздил влюбиться в этого мерзавца. По уши, безвозвратно, добровольно катясь в пропасть. Он сам был хуже любого подонка.

Лицо Цзян Шэна исказилось от ярости. Он крепко сжал подбородок Му Шаомина и прорычал сквозь зубы:

— Значит, все, что ты говорил в постели, было лишь попыткой меня обмануть?

— А то как же? — Му Шаомину было больно, но он не собирался сдаваться. — Если не тебя, то кого же еще?

В этой жизни он боялся только старика-отца, но никак не Цзян Шэна, даже несмотря на то, что тот вечно его одолевал.

— Му Шаомин, ты переходишь границы! — Цзян Шэн рассмеялся от злости. — Похоже, ты забыл свое место.

— О? И какое же, по-твоему, у меня место? — Му Шаомин вызывающе посмотрел на него своими персиковыми глазами.

— Ты всего лишь игрушка, которая ублажает меня в постели. Не возмни о себе невесть что, молодой господин Му, — усмехнулся Цзян Шэн. — Я позволял тебе самому избавляться от вредных привычек, проявляя уважение. Но если ты не хочешь по-хорошему, я могу сделать это за тебя.

Он не прочь был преподать Му Шаомину суровый урок, а если не поймет с первого раза — то и со второго, заставляя его раз и навсегда забыть о пьянстве и драках.

Сердце Му Шаомина словно пронзили острыми иглами. Кровь текла из ран, боль была невыносимой, но внешне он оставался непоколебим:

— Цзян Шэн, а ты кем себя возмнил? Ты для меня не более чем игрушка, которая помогает мне получить удовольствие. И если ты перестанешь быть полезным, я в любой момент тебя заменю!

На лбу Цзян Шэна вздулась вена, он едва сдерживался, чтобы не ударить его — этот парень всегда мастерски умел выводить из себя.

— Вот как? — Цзян Шэн холодно рассмеялся и разжал пальцы на подбородке Му Шаомина. — Что ж, тогда позволь этой игрушке доставить тебе удовольствие по полной программе!

— Что ты задумал? — Му Шаомин отчаянно забился. Это ведь территория академии, здесь круглосуточно ходят патрули, особенно в таких глухих переулках.

Му Шаомин был пьян и слаб, а Цзян Шэн всегда превосходил его в силе, так что вырваться не было никакой возможности.

— Как думаешь? — Цзян Шэн насмешливо выдохнул ему на ухо, опуская руки ниже. — Конечно же, закончить то, что мы не успели днем.